

Борис Воронкевич

Война Хаоса

Проект «DAAD»

Борис Воронкевич

Война Хаоса

«Издательские решения»

Воронкевич Б.

Война Хаоса / Б. Воронкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746103-4

В любой картине, фильме, предмете всегда есть крошечное место творцу. Какое оно? Это маленький складной стульчик незаметного наблюдателя у входа в зрительный зал или замаскированный неприметный прохожий, который стушевался с толпой и искоса наблюдает за всеми? Что такое зеркало? Это ответ зрителя на призыв или фразу, сказанную творцом, или сам творец, который отражает реальность? Решать Вам, дорогой читатель.

ISBN 978-5-44-746103-4

© Воронкевич Б.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава первая. Шахматы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Война Хаоса
Проект «DAAD»
Борис Воронкевич

© Борис Воронкевич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Гора Ниамиант. Окрестности. Только чуть расширенные зрачки, да нервное поглаживание рукоятки древнегерманского кинжала с серебряной розой выдавало волнение Кауриила. Стоящие рядом военачальники Хаоса молча вглядывались сквозь марево Туманов Калена на разворачивавшиеся в плотноматериальном Мире события. Сам Мир смертных оставался недоступным, можно было лишь по отражениям в ближайших подпланах Бытия наблюдать за происходящим. Все взгляды были прикованы к четверке адептов, стоящих спиной к спине по четырем сторонам света. Всего четверо... Четыре воплощенных разума, четыре дороги, встретившиеся на этом перекрестке Судьбы. Трое мужчин и одна девушка. «Не густо...» – обронил внешне невозмутимый Ланте. На придорожном валуне неподалеку, уставившись в одну точку, в боевом облачении валькирии сидела в своем неповторимом демоническом обличье сама фаворитка Королевского Дома – Эриос. Стоявшая рядом многоопытная Фортуна в белой тунике что-то шептала ей на ухо, но та не обращала никакого внимания. «Надо же было мне со всем этим связаться» – проносилось в ее сознании. «А еще радовалась, когда включили в элитную декурию демонов спецпроекта по работе с воплощенными разумами в плотноматериальных планах под кодовым названием «DAAD», – думала она. Теперь будущее проекта, как и ее висело на волоске. «Сколько у них осталось времени?», – поинтересовался у командира лучшего легиона Хаоса Пута Сатанахии военачальник песчаных Элей Дэв Аршем. «Где-то четыре дня по земному исчислению», ответил тот, не отрывая взгляда от сгустков Мрака, периодически закрывавших обзор.

«Строгадиум, строгадиум...» – беззвучно шевелились бесплотные губы Кауриила «Строгадиум?» – вскинул брови Ланте. «У жрецов Египта уходило на него не менее недели, адлантские справлялись быстрее, но где теперь эта Адлана?». – заметил он. Время тянулось с медленной невыносимостью. Сгустки Мрака начинали формирование вихря, который в конце концов должен извергнуть четверку адептов из плотноматериального мира в подпланы иеростралла. Плацдарм пока держался, но если канал оттуда не будет открыт, то хтонические отряды останутся на исходных позициях и опять потекут тысячелетия власти Мрака. В этот момент как бы невидимая волна пробежала по пространству, самый младший из адептов, вздрогнув, склонился и начал что-то чертить на песке. Неуверенные вначале движения становились все более точными. «Только не ошибись...» – одновременно проносилось в сознании демонов, андрогинов, богов и полубогов Хаоса. Когда адепт прочертил последнюю горизонтальную черту, Вселенная вздрогнула. Три объединенных знака Сатурна загорелись рубиновым огнем. Поток каметивного Света начал свое вращение, превращаясь в вертикальный столб ослепительного пламени и прорываясь на подпланы владений Хаоса. Адепт зашатался и опустил на одно колено, из ноздрей его хлынула кровь. Девушка наклонилась над ним, только старшие стояли совершенно невозмутимо. Ланте, не торопясь поднял правую руку в латной перчатке, серый жеребец под ним, всхрапнув, поднялся на дыбы. Рука резко опустилась вниз. Командиры отдавали короткие, злые и точные приказы. Легионы двинулись. Хаос пошел, и уже не было силы во Вселенной, способной его остановить...

Глава первая. Шахматы

Я белоснежный лист бумаги в реальности. Я идеален и ничем не замаран. Мой лик не имеет формы. Я ничто для люда, которого не ведаю, потому как не лицеизрел; мгла над горизонтом, коей нет, ибо всё зримое различимо, невидимого же там, где люди пребывают, нет. Я незряч для вещественного мира. Я глух для величающих Меня как угодно, ибо нет имени тому, что лишено конфигурации. Я изъясняюсь иными словами, и со стороны Я – воздух, не содержащий кислорода. Мне безразличен мир, покуда Я совершенен. Я вне движений, ибо суматоха Мне чужда и Я вне суеты всякой. Я рождён исконно вне перемещений, вне Природы. И доколе Я такой, Я знаю всё, но знания Мне безразличны и потому нет предметов стремления для того, что совершенно.

Посему Я возвал к Рисовальщику Вселенной с просьбой о том, чтобы дал Мне священное имя, дал объёмную форму и суету – весь тот багаж, который необходим человеку при жизни во плоти.

И вот Я в подлунном мире...

Series «Libri improbatii»

(Серия «Отверженные книги»).

Liber 1. Pictor

(Книга 1. Рисовальщик).

Ландшафт, избранный Хозяином безмятежного царства для встречи со своим преданным псом Бейшеротом, мажорным назвать было трудно. Не было в нём решительно никакой помпы: торчащие то тут, то там приземистые растеньица, характерные для данного типа местности и отчего-то напоминавшие голову лысеющего немолодого уже цирюльника, к тому же неизвестно для кого цветущие своими дивными красками в этом позабытом всеми краю; редкие деревья, лишённые своих изумрудных нарядов, потемневшие и, кажется, впавшие в долгую спячку, из которой им вряд ли удастся выйти; небольшая по размерам лужайка, одиноко выделяющаяся из прочих кочек, укутанная продранными пологими блёклыми, висящих у самой чёрной воды, туманов, заботливо окаймляющих её, поросшая влажным мхом, мокрой травой и обильно утыканная по краю сухим камышом – вот, собственно, и весь пейзаж. Болото, одним словом. Стойкий запах метана и слабо дымящие торфяники, сырой и, как следствие, прохладный воздух, тишина, лишь изредка прерываемая лопаньем газовых пузырей, достигших тинистой поверхности, да унылым кваканьем флегматичной жабы, доносящимся откуда-то издалека – всё перечисленное выдавало сквернейшее расположение духа у Владыки и этот, начавший уже перетекать в ночь, вечер, с его режущими глаза сумерками, всё только усугублял. Что до Хозяина, то он избрал довольно необычный, если не сказать экстравагантный, вариант проявления самого себя в зримом облике: тончайшей контурной тенью, вытянув вперёд ноги и немного подавши назад корпус, сидел он на воздухе, словно под ним находился стул с откидной спинкой, изображая ушедшего на вечный покой Господа, почившего от всех суетных дел в Седьмой День творения. Чёрт, мог себе позволить. Едва заметная глазу стороннего наблюдателя линия, исходящая от тыльной стороны силуэта, касалась тени, отбрасываемой кувшиной, и смешивалась с ней.

«Мирно безумствует» – подумал неизвестно откуда взявшийся лохматый пёс непонятной породы с ушами зайца, широкой длинной шеей, туловищем буйвола, горбом, возвышающимся промеж лопаток, и львиными лапами вместо копыт.

– Едем, Маэстро? – живо поинтересовался он, приблизившись.

«Ни тебе „добрый вечер!“, ни проявленного интереса, мол, „как, ваше Влиятельство, поживаете?!“, ведь из мира Света не видно» – подумал Маэстро, как бы отвечая на мысли диковинного зверя, протяжно выдохнул, наклонился вперёд, поджав ноги и приопустив голову, всем своим видом и поведением выражая крайнее измождение, словно он страшно от чего-то устал.

– Мы никуда не едем – озадачивая верного стража, проговорил Хозяин.

– Почто звали? – настороженно поинтересовался Бейшерот, пытаясь доискаться до обоснованной причины, подвигшей Маэстро на его вызов.

– Присаживайся, расскажу. И будь так добр, смени ты этот наряд, не при грешниках же! – повысил голос Повелитель, который был явно не в себе, что и отображалось сейчас в чрезмерной вежливости последнего. – Живее! – рявкнула тень и эхо прокатилось по просторам бескрайних болот. Жаба ненадолго притихла. Неторопливый всего секунду назад Бейшерот в мгновение ока преобразился, сменив образ на человекоподобный: теперь перед Маэстро стоял мужчина в офицерском мундире, при шпаге и в надраенных до зеркального блеска сапогах.

– Может тебе ещё и свет подать? – сострила тень.

«Юморит» – Бейшерот присел на появившийся из ниоткуда стул и стал ждать, что скажет ему Его Сиятельство. – «Терпеть не могу всех этих длительных церемоний с перевоплощениями. Ими, разве что, время от времени можно насладиться, пугая, к примеру, впечатлительных невежд, не разбирающихся в символике внешностей, принимаемых демонами». Бейшерот не отличался сильным менталитетом и красноречивым словом. Ему, как ярчайшему представителю Пятого Неба мира Света, относящегося к сфере Жестокости и Справедливости, открыты были, скорее, пути Марса, нежели Меркурия. В силу этих причин он уяснил для себя очевидную истину – Хозяин хандрит, причём делает это весьма неуклюже, а заодно и то обстоятельство, что ему приличествует распространять своё настроение на оружающих.

– Тебе этого не понять, Беш, никогда, – произнёс Пан, не скрывая своей способности считывать мысли, – ведь ты личность. И как всякая личность, ты постоянно и неизменно ограничиваешься чем-то одним: одним ликом, одним мнением, одним желанием. Ты предсказуем!

Демон, приподняв одну бровь, словно игнорируя слова Мэтра, подумал: «Пусть выговорится Отец Отцов, всё одно не низложит, не разжалует в оруженосцы, не изгонит на ступени и, чего дурного, не произведёт в шуты».

– Вероятно ты прав, мой полководец, размышляя так. Личностям, подобным тебе, можно доверять. Вам ведомы границы ваших желаний, любое ваше действие направлено на достижение заведомо известной цели, правильны также все решения, принимаемые вами для преодоления противостоящих вам событий и встречающихся на вашем пути преград.

Пока тень высказывалась, перед мысленным взором Беша проплывали картины его собственных мыслей: где и кому из подчинённых ему командиров сейчас необходимо подкрепление в виде резервных полков, какие замки и города необходимо захватить, кому в срочном порядке надлежит объявить войну. Хозяин его не только утомлял, но и начинал бесить, говоря престранными параболоми на абсолютно не интересующие его темы.

– Суета! – подытожил Маэстро размышления пса.

– С вами бесполезно спорить, Мэтр.

– Иначе поспорил бы? – поинтересовалась тень, посмеявшись словами вопроса.

Бейшерот, насупившись, глядел на своего Господина. Ему невыносимо надоели реплики Пана, равно как и вся их антимония, длившаяся, как ему казалось, уже целую вечность. Да ещё и это дурацкое болото...

– Полноте, я вовсе не хотел тебя обидеть. Прими мои извинения.

«Заглаживает вину – мелькнуло у Беша в голове. – Надеюсь, хотя бы сейчас он выразит своё намерение отправиться на войну».

– И как доказательство моего искреннего сожаления – продолжала тень – я предлагаю тебе партию в шахматы. – Тут перед ними возникла ручной работы клетчатая чёрно-белая доска с резными бесцветными фигурами поверх неё, повиснув в воздухе на уровне живота. – Предлагаю игру на равных, заметь, это условие обоюдовыгодное.

Глазки Беша сверкнули: «Что ж, партия обещает быть интересной, ежели, конечно, тот, кому правила не писаны, в самом деле исполнит своё обещание».

– И ещё, может поспорим? – предложил пари Хозяин.

«Этого ещё не хватало. Совсем ополоумел Владыка». – только и смог подумать Беш:

– Мне как солдату нечего вам, милорд, предложить. Всё безраздельно принадлежит вам – Земля, Небеса, Небеса Небес, Небеса превыше Небес, Небесная Твердь, Парокет, Пропась, Хаос, Свет и сама Тьма.

– Так написано в ваших головах особыми чернилами – себе под нос пробубнил Пан, невольно озлобляясь на великое Построение. – Вот я и говорю: мне делать первый ход, как обычно. Бесцветные фигуры на доске окрасились в контрастные цвета. Наступил ход белых.

– Условились же играть по правилам. Слон не может походить через всё поле таким диким способом, игнорируя попутно все фигуры, а в довершение взять и съесть моего Ферзя!

– Даже если это шпион?.. Шучу я, шучу! – явно раздосадованный реакцией Беша, Мэтр вернул все фигуры на их законные места, после чего скомандовал пешке: Е2-Е4. Пешка, не посмея ослушаться, послушно передвинулась на указанную клетку. А тень, обращаясь к своему псу, продолжала: Тем самым я желал показать тебе, что правил на самом деле не существует, все они – лишь условности, произвольно выбранные для отсрочивания поражения одной из сторон и создания видимости честной игры. Тебе не любопытно, отчего я не объявил во всеуслышание о предмете спора и не сказал о призе?

– Свои мотивы, Церог.

– Ну бойся, бойся. Андрогин на твоём месте посмеялся бы, но я тебя не виню – каждому своё место, отведённое существующим положением дел. Как говорится, уши выше лба не вырастут! Но полагаю, что в твоём случае эта поговорка нагло лжёт – сказал Мэтр и залился громким, но непродолжительным смехом. – Не будучи осведомлённым о законах трансцендентного мира Света, какой-нибудь скончавшийся в мире физическом бедолага, выброшенный во владения дядюшки Пимы, не то что не поймёт как ему отныне проводить свою жизнь, а и наипростейших действий проделать будет не в силах, скажем, глаза открыть таким образом, дабы узреть хоть что-нибудь помимо тусклого Света. Вызывает сомнение и тот ещё факт, чтоб обычный смертный человек, доведись ему даже увидеть всё то, что содержит в себе мир Света, смог бы полноценно оценить увиденное, как оценивает оно тот же андрогин.

Маэстро сорил фигурами, жертвовал пешки, а Бейшерот жадно и с азартом поглощал их, особо не вникая в слова Мастера. Всецело отдавшись игре, он уже предвкушал скорую победу над своим Хозяином.

– А известно ли тебе, что в мире материальном живут те, кто либо не может выжить в параллельном ему мире Света, либо скрывается на время от своих недоброжелателей?

Беша, казалось, вопрос не коснулся. Ничего более не замечая, он вымещал свою стихию в шахматной баталии, что велась в рамках игрового поля. Мэтру, как и следовало ожидать, очень скоро наскучило общение с личностью, везде и повсюду наблюдающей единственно военные действия и стремящейся всё если не уничтожить, то уж непременно захватить. Маэстро отметил для себя, что за время его отсутствия в мире Света никаких существенных и кардинальных перемен в демонской природе не произошло. Только он так помыслил, как раздался довольный голос пса:

– Вам мат, Маэстро!

– Поздравляю, этим и ограничимся. Признаться, ты ничего не заслужил, ибо решительно никуда не продвинулся, оставшись таким, каким я знаю тебя уже давно, следовательно, моих

нотаций ты не уразумеешь. Свободен! – скомандовала тень, а пёс в тот же миг испарился, словно ожидая этого подарка и наконец получив его.

«Да, – мысленно констатировал Вечный Дух, – это вам не андрогин». И позвал к себе Тафнипока.

Следует заметить, что обыкновенно появление андрогинов сопровождается нешуточным изменением окружающей среды, ознаменованным их гиперактивной природой. Как следствие, им сопутствует шквальный ветер, громовые раскаты при молниях, вздымающиеся волны, песчаные или снежные бури, приливающие типу местности и доминирующей черте в стихии существа. Но на сей раз ничему подобному случиться было не суждено. Хоть и славился Тафнипок грозным царём морей и несметных глубинных сокровищ обладателем, но шёл он, прежде всего, на ковёр, засим – в гости и уж только потом – на великосветские посиделки, посему – увы! – закипанию болот не суждено было сбыться. Андрогин выше всякого Света чтит законы мира Тьмы – единственного мира, способного проявить их суть во всей полноте, не умаляя их разнообразия.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о местопребывании духов низших и высших: Наивысший пребывает вне всякой суеты, разумея весь примитивизм образов и форм, всю ту ограниченность, которая присуща миру Света; высший находится где пожелает, безо всяких ограничений; низший же – там, где единственно сможет выжить. Нужно учитывать также условия проявления: захочет ли существо высшего порядка ограничиться и принять форму, которой наделит его Свет, сообразно своим возможностям и требованиям. Посему каждый представитель Иерархии занимает строго отведённую ему нишу, не стремясь оказать помощь духам более слабым. Поскольку андрогин бесполо, ввиду своей завершенности, всевозможная суета низшего характера в них целенаправленно подчинена и упорядочена, то есть доведена до возможного совершенства, а потому бурлит иными страстями, внешне никак не проявляясь, притом что каждый без исключения андрогин вправе выбирать, каким ему быть. Тафнипок, допустим, избрал, видя настроение Мастера, вид благообразный – запахнутое в римскую тогу светлокжее тело мужчины, на ногах сандалии, голову опоясывал медный обруч. Тёмные волосы постоянно терзались отсутствующим ветром. Сплошь чёрные глаза лучились глянцем, выдавая принадлежность их обладателя к миру Тьмы. Моложавое, с лёгкой иронией – реакцией на окружающее – лицо, как и само тело, находящегося в расцвете сил человека, горделивый подтянутый вид.

Не мешкая и предполагая, что стул предназначен для него, без особых церемоний, он, усевшись, откинулся назад и, прервав длительное молчание Владыки, полюбопытствовал:

– Кого-то ещё ждём? После этих слов он принялся сшибать шахматные фигурки, отведывая каждой из них по хорошему щелбану, покуда места на доске не освободилось ровно столько, чтобы иметь возможность положить на неё правое предплечье. Покончив с последней, Тафнипок подался вперёд и уложил руку на доску. Так ему было гораздо удобнее.

«Условия создаёт – подумал Папа, довольствуясь приветствием. – Комфорта ищет». На потемневший небосклон медленно карабкалась Луна, бледный лик которой сравнительно легко угадывался сквозь толщу туч, скрывавших от взора начавшие уже проявляться звёзды.. В те редкие моменты, когда ночному светилу удавалось распространить свой приглушённый свет на стоячие воды, заболоченные бугорки земли, сухие деревья и пни, протянувшие свои искривлённые кисти навстречу небесам, в тумане появлялись и исчезали замысловатые тени. Окинув взором столь живописную картину, Мэтр произнёс:

– Разве что времени подстать попросить прийти артистов, уместных для этих декораций?.. Вокруг ни души, пора бы им появиться. Пок, сдержанно усмехнувшись, поинтересовался:

– И когда им суждено прибыть?

– Да прямо сейчас! Тут вдруг отовсюду поползли тощие вытянутые сизые тени, одетые, казалось, в длинные ниспадающие мантии серого цвета, с накинутыми на головы капюшонами.. Их лица выражали некую безотрадную фатальность. Подёргивающиеся, нечёткие и какие-то выцветшие они бесшумно заскользили по болоту, не передвигая ног. Временами кто-то из них тяжело вздыхал, а иные издавали сдавленные стоны. Понурые взгляды мутных глазниц призраков были пусты и бессмысленны, напоминая нынешнее состояние Владьки.

Тафнипок, подавляя смех, попытался выразить свою реакцию спокойно и пристойно, чтобы случайно не перебить творчество Мастера, решившего попробовать свои силы в жанре готики:

– Милые создания! Жаль только, что в нашей с вами реальности всё куда печальнее и откровеннее, чем вы это представили. Утрируете, шеф.

– Скорее мистифицирую, Пок. Мне, как и человеку, свойственно приукрашивать. Человеку же свойственно уставать от однообразия проявлений возможного, единственно возможным способом проявляемого. Мэтру было забавно наблюдать грустные портреты траурных персонажей, деланных по собственному желанию, по большей части хранящих молчание, бредущих в неизвестном направлении и не сдерживаемых никакими естественными препятствиями.

– Уж не о тверди ли ваши последние слова?

– О ней, голубушке, о ней... В последнее время я, признаться, мало о ней размышляю. Кто творил, тот пусть и голову ломает. Я ведь изначально был против, ну несостоятельно всё это. Ради развлечения, разве что, – понаблюдать, чем занимаются блохи.

– Хорошо они в действительности этого не умеют, в смысле, протаскивать себя сквозь всевозможные предметы... Конечно, Сир, если не будет на то вашего волеизъявления.

– Отчего же нет?! Установим поблажки – месяц в году, время от и до, а то тыркаются во всё как бездомные. А ты против?

– Если они что-то заслужили, просветите. Мне представлялось иначе... Или я что-нибудь пропустил? – Пок изучающе посмотрел на коллекцию невыразительных чучел, стадно гулявших по округе. Ему вдруг подумалось, что они обладают коллективным интеллектом. От этой мысли он даже дёрнул головой. Ну не находил он в себе возможности как-то по-особенному, даже после всех улучшений Вседержителя, относиться к натурально мёртвым теням, давно изживших себя астроидаей.

– Дальше Туманов не сгинут, параллельно тверди им самое место. Ну, сударь! Как часто нам выпадает время подумать о нищих духом, а именно – нами. И потом, когда б все души людей имели схожесть с отжившими свой век астроидами – хотя бы! – меня, возможно, что-то в них и заинтересовало бы, ведь я не знаю, как это тогда выглядело бы. А так всё ясно и понятно: несведущ в царствах моих – получай, что заслужил. Нате и не морщите носик! Отчего вам ваше не нравится на метафизический лад? И поверь мне на слово, Пок, человеку грех жаловаться, он сам загнал себя жить в рамках души, предпочтя её моей стихии... Да, умел Батя расставить точки над «е» и «и», чтобы нечем было возразить. Не чета пресветлому Саве – каков сам, таковы и законы отданного ему в управление мира Света. Вот пример: По мере выхода из Тьмы на Свет форма проявляет и искажает первоначальный характер существа, тем самым всесторонне ограничивая его. Покидая Хаос, с сущностью происходит метаморфоза, умаляющая все его достоинства – Свет попросту обкрадывает входящего. Таким образом, если в Хаосе дух являлся всем и пребывал во Всём, то на Свету он становится единицей, выраженной сообразно набору его индивидуальных черт. В частности, темперамент и манеры поведения в обязательном порядке запечатлятся на внешнем облике, получив наименование сигнатур. Обратные явления происходят с покидающим Свет и вступающим во Тьму: по мере усвоения себя ей, дух всё более освобождается от необходимости образа, приобретает полноту познания составляющих Хаоса и растворяется в этой полноте безграничным пониманием Всего, остава-

ясь при этом индивидуумом. Итог напрашивается сам собой: Бог несовершенен, Свет ограничен и так будет всегда. Не устраивает – стремися к большему!

– Скукота, Пок... Но я чувствую, ты со мной не согласен – продолжил Темнодержец. Тафнипок небрежно закинул край тоги за плечо, обнажив мускулистые ноги, что было явным пренебрежением по отношению к этикету и заведённым традициям, откинулся назад, уложил подбородок на скрещенные пальцы рук и изобразил на лице умный вид. Бессмертный Кош от увиденного немного повеселел, хотя виду и не подал. Просидев так с минуту, андрогин заговорил:

– Мне, всё ж таки, хотелось бы побеседовать на тему начального построения миров, в связи с чем было бы интересно услышать твою точку зрения по данному вопросу, учитывая то простое обстоятельство, что именно ты доводишься и родоначальником Всему сотворённому, и единственным очевидцем тех незапамятных событий. Согласись, ведь мышление элементаря и демона диаметрально противоположно, в свою очередь, гермафродит на порядок превышает своим пониманием их обоих, но и его интеллектуальные способности ничтожны в сравнении с менталитетом андрогина. Неужто история элементарного духа аналогична истории демона и наоборот?

– Вау! – оживился в голосе Правитель, не шевельнув ни единой точкой своей контурной тени. – Ты, случаем, не переутомлялся в последнее время? Чувствуешь-то себя как? Может, над чем-нибудь работал интенсивно? Слишком интенсивно! В смысле, гиперактивно... Хм, что же до твоего вопроса, то отвечу – и да, и нет. Согласись, Пок, крайне неразумно предлагать элементарю историю устройства миров, начиная со ступеньки демонов. Вспомни, ведь стихийному духу демон не собрат и даже не побратим, а создатель! Не всех их, конечно, производят на свет бравые ребята, варианты появления существ низших бывают разные: от связи между самими элементарями, при освобождении информации из ментального поля демона или, скажем, как результат несерьёзного отношения некой сущности, развившейся до степени Божества. Это каша Савы, пусть он её и разгребает. В случае утвердительного ответа элементарль просто ничего не поймёт, поскольку из истории демона явствует, что конечным результатом для него является никто иной, как он сам – демон. В этой истории чётко прорисовывается картина его возникновения, путь его развития в рамках его разумения и предлагается готовая методика достижения поставленных задач на демонский манер, поэтому я и сказал, что история, с одной стороны, верна... Он сделал паузу, чем-то восхищаясь в глубинах своего я, но чем именно, наблюдавший за ним андрогин сказать не мог – у Владыки отсутствовал образ. Единственное, что оставалось – порадоваться за него.

– Мда, прямо какая-то «Инструкция о том, как правильно быть демоном». Тоска зелёная – с грустью протянул Тафнипок, всю проникшись настроением Повелителя.

– Ну а отрицательный ответ – продолжил Маэстро, – наверное, в меру тех причин, что творилось всё не для того, чтобы докапываться впоследствии до верного понимания последовательного возникновения всего сущего, а чтобы скрасить суетой разнообразия мнений о сотворённом Построении бессмысленную саму по себе Иерархию планов и миров. Именно поэтому, мой дорогой Пок, о существовании единой точки зрения по интересующему тебя вопросу можно попросту забыть – её не было, нет и никогда не будет, так как этого в принципе невозможно добиться! В проявленном никогда не было смысла, ибо, повторяю, смысл мною в творимое не закладывался. Забавно, но всё сотворённое отчего-то страстно желает оправдать своё существование и не жалея сил и средств доказывает друг другу о своём первородстве, превосходстве или какой-никакой значимости. О каком вообще смысле может идти речь, когда всё, что может сообщить о себе любое без исключения существо, кого ни коснись, окажется вложенной мною в него информацией; а всё, что может сделать всякое такое существо, суть набор персональных возможностей, помещённых в него, опять же, мною. Познавать окружающий мир оно способно только установленными мною способами, равно как и взаимодей-

ствовать с ним ему приходится по заведённым мною правилам. Развиться оно, разумеется, может лишь настолько, насколько я установил в нём пределы его развития... Поразительно, но смысл появился, когда Единство стало дуальным: Тьма, в доказательство меньшей ограниченности в сравнении со Светом, получила его как противопоставление себе. С тех самых пор *Adversa Contrariis Referunt!* Отсюда же пошло умозаключение «всё познаётся в сравнении». Иначе говоря, от всемогущества Создателя мы неизбежно возвращаемся к идее о беспечности его бытия! И мои последние слова идеально вписываются в универсальную магическую доктрину, которая безотказно работает с момента разобщения Целостности на ХАОС и Иерархию. Не так ли? Что касается моей обязанности – центрующий я и в этом наиглавнейший ключ. И покуда отсутствуют проявления более сильного мира, нежели Тьма, я Центром был, есть и буду. А вы – вы моя суета. И радость, и печаль, и утешение: от состояний мы все зависим. Тафнипок, разведя руки в стороны, опустил их со шлепком на колени:

– Нет слов, Ссир... А что стало с предыдущим смыслом вашего назначения? Помнится, в прошлую нашу встречу вы сложили мистерию попроще – ехидный андрогин, сузив глаза в сплошную, едва заметную полоску, вперился взглядом в неподвижно застывший образ. Властелин, к слову сказать, в нём вовсе и не нуждался, однако он служил точкой опоры для взгляда собеседника, мол: «Присутствует ваше начальство, так уж извольте принимать его таким, каким оно изволит выражаться». Вот и вся суть.

– Вот именно, Пок. Собственно говоря, ни один облик не способен передать всего моего великолепия, каким оно является вне форм и символизма. Данное суждение мне подходит, да и не этот ли в точности ответ хотело услышать от меня твоё эго? Суета – позиционная игра, в этом её суть. Если ты не играешь в ней большой роли, то рискуешь стать пешкой для игры, что примется использовать тебя, подобно главному персонажу. Единственное место, где недосягаем ты для вечного вселенского механизма – это ты сам внутри себя... А ежели недосказано что, так то всегда таким будет – сам, сударь, сам, любезнейший. Умничать не собираюсь – вещи сами показывают, кто над кем стоит и кому какой ответ держать – усмехнулся Гегемон Великого Делания и не над чем-нибудь, а над атмосферой, окружавшего его уродства, которую вряд ли возможно было признать располагающей к беседам на свободные темы, лишённые, вместе с тем, всякого смысла. В таком непривлекательном месте Верховному Господину легче думалось и, что характерно, не только о мирах и назначении этих миров, но и о себе. Низкие тучи, плотно осаждавшие ночное небо, ретировались. Им на смену пришли редкие облака, и теперь звёздная россыпь приглушённо мерцала, немного скрашивая болотную панораму.

Разговор на некоторое время прекратился и появилось свободное время обдумать, взвесить, а помнит ли он сам, с чего всё начиналось. Какие тогда были мысли и желания, при отделении Света от Тьмы, и каким было удивление из-за того, что Свет во Тьме был лишним, но, будучи исторгнутым из неё, претерпел полнейшую трансформацию и произвёл массу несоответствий, предрассудков, лишних законов и всевозможных ограничений, многократно усложнив условия для жизни. Лучше всего прибегнуть здесь к помощи примера для описания более подробной и целостной картины: Вот некто, допустим, пехотный демон, разочаровавшись своим статусом в мире Света, решает предпринять поход в Тьму – окончание Построения, – дабы отомстить за себя и собратьев своих. Ну, может, понял побольше остальных или отделён был с доминирующей в его существе чертой всё с лёгкостью подмечать, неважно, к делу сие не относится. И вот он при помощи одного только бесхитростного понимания, минуя все препятствия своей степени, а также и прочих, за нею идущих, по прошествии долгого времени доходит, наконец, до последнего испытания, преграждающего ему путь во Тьму. Хаос! Войдёшь в него и не испугайся знаний, совершенно переосмысленно объясняющих всё, с точки зрения самой великой Полноты, а не ложных частных ограниченных представлений личностной единицы, а также подсунутых каждому историй. Познай себя всем одновременно и всем по-очерёдности. Уясни для себя сразу две вещи, а не одну только – и есть предназначение

у всего, и нет его; всё одинаково важно и не важно. И если не испугался знаний, тебе открываемых, то узришь Создателя, как самого себя, и цель поставленную признаешь глупостью, и не прольёшь ни одной слезы по этому поводу. Был ещё совсем недавно враг в нём и не стало более непонимания, ибо не убоился оставить Свету его мизерное, взяв большего и разнообразнейшего, признавая множество точек зрения верными, растворяясь с предысториями каждой, взятой в отдельности, вещи мира Тьмы – первопричиной всего, имеющегося в мире Света. А ежели устрашится и убежит прочь – значит рано ему, не готов он ещё расстаться с личностью и характером собственного я, коих ошибочно почитает собой, доказывая невежеством предрассудочного самооправдания существование своё. Доказательство чего? Неуклюжая попытка доказать, что Свет превосходит Тьму?» Поистине понимание – величайшая сила во Вселенной и не только Небесной...

– А не сыграть ли нам, любезный? – впервые протянув за время беседы с андрогином руку в направлении шахматной доски, изображая призывный жест, спросил Церог. Тафнипок, предчувствуя подвох, поинтересовался, разглядывая безупречные пальцы своих ног:

– За кем первый ход?

– Как обычно,.. – Мэтр не успел договорить, его осёк андрогин:

– Э нет, тогда я проиграл! Долгих игр не выношу. Мат в один ход, господин Бель. И нечего сусолить понапрасну. Не играетя в ночную пору, болото это... И о чём-то кратко обмолвившись с Повелителем трясин, девятый номер вежливо раскланялся. Пространство за андрогином, подчиняясь его воле, расступилось, образовав портал. Там, куда оно вело, виднелся, возвышавшийся на фоне ночного неба, главный объект – замок со множеством бастioned, располагавшийся за живой изгородью из короткостриженного кустарника. Стоило Тафнипоку коснуться обеими ногами внутреннего пространства перехода, как портал сомкнулся за его спиной, а узкий вертикальный шов слился, двигаясь к центру, в малюсенькую точку и пропал. Маэстро вновь остался один...

Небольшой очерк в виде размышлений Мастера о Хаосе и Иерархии, со всеми вытекающими: Свет и Тьма вначале загоразивали и смешивались друг с другом, ведя непримиримую борьбу за право обладания стихией Хаоса, будучи единослитым творением, неизвестно кем порождённым. Но порождённым ли? А что если эта помесь была кем-то, кого даже я до сих пор не знаю, признана несовершенной – итог неудавшегося эксперимента, например, – и вышвырнута в мусорник. А уж выживет ли оно – неважно! С того самого злосчастливого момента, когда очнулся я, и осознал, что АЗ ЕСМЬ, но не знал, где же именно нахожусь, третья сторона никак себя не проявляла: сама не появлялась, гонцов не присылала, знать о себе не давала и не требовала от своего исчадия решительно ничего. Было и есть над чем призадуматься. Мастер способен выражаться в двух своих проявлениях – Хаосом и эйдолоном своего Я – Светом, разочаровавшим его, ибо не увидел он в нём ничего своего. Так и образовалось разделение Единого – царство Тьмы и королевство Света, существующие и по сей день. Стало два мира вместо одного и это было действительно хорошо, поскольку война за власть прекратилась – Хаос перестал бушевать и успокоился, принявшись познавать себя. Тьма и по сей день видит дела Света, а Свету дела Тьмы неизвестны. Тьма поглощает Свет, а Свет смешивается с Тьмою, приумножая её. Тьма объёмлет собою Всё, а Свет занимает в ней строго определённый участок и дальше не распространяется. На том и разошлись.

«А что, вполне даже складная и удобная для работы гипотеза» – подумал Пан и обречённо выдохнул. Его меланхолии не было предела, как не было и завершающего Великое Делание числа – огдоады, 8-го дня творения. И каким бы ты ни был, Господин ХАОС, высок или низок, имей терпение и оставайся преданным своей цели. От себя ты всё сделал, расчертив Великим Геометром пространство духовной Вселенной на области и территории, планы и подпланы, сектора и участки, затем построив Великим Каменщиком все живые и неживые формы и, наконец, оживив всё макро- и микрокосмическое Духом Священным. Девятое тысячелетие

ты находишься в ожидании того Разума, столь походящего на тебя, который добавит последний штрих к твоему портрету, но он всё не идёт и не идёт. В долгом и томительном ожидании ты, кажется, уже сотни раз успел победить всех немейских львов и лернейских гидр, гнетущими, невыносимыми состояниями проникающими в твоё существо! И продолжаешь побеждать их, ибо поддаться этим настроениям означает потерпеть поражение. Ожидание продолжается, ведь ты же понимаешь, что тебе необходим Человек с большой буквы, а не полнейшая бестолочь, но и не без беса в голове. Иначе как он поймёт, что ангел и бес суть свидетельство разобшённого некогда Единства, существующего ныне под столь разнящимися проявлениями в мире Света и Тьмы соответственно. Чтобы смог он дойти до понимания, что все препоны на пути Достижения, выраженные красочными мифами под видом лабиринтов с Минотаврами, мытарств Улисса, сражений с Драконами за Золотое Руно, подвигов Геракла, крестовых походов за Копьём Лонгина и Чашей Грааля, есть прообразы его персональной борьбы с невежественным, грубым и примитивным пониманием всего сущего, таящимся в нём, на низших ступенях разумения. Какою бы совершенной ни была Чаша Грааля во Тьме, на Свету это всего-навсего предмет с мизерными возможностями, находящийся в руке человека. Покидая Тьму, завершённая идея или сущность, обладающие гармоничным внутренним единством, обретают отрицательные и положительные стороны, следствием чего становятся непостоянство, различные внутренние противоречия, склонность к ошибкам, терзаемость сомнениями, ограниченность в поступках и в способах выражения чего-кого-либо, включая прочие негативы. Не способен понять сразу, дам испытаний и жизненных преград. Встану Туманами Калена, пустыми иллюзиями, семиглавым драконом Пимандром, потому как симпатичен; и кого люблю, того испытываю! Может, тебе это поможет. А не поможет, так что же – не оправдал надежд моих: сгинешь в болото и дело с концом. Любимчиков у меня много, я для вас один и юлюсь под разными масками. Цезарь позавидовал бы, свой Guy.

Это походило на игру в шахматы, когда одно состояние – чёрное – грешило хандрой и меланхолией, всё на свете отрицая и игнорируя, а другое состояние – белое – пыталось пробудить интерес Маэстро, выбрав жертвой один из мысленных образов, мелькавших у него перед глазами. Князь Тьмы отметил смену состояния и мыслей, явившихся вслед за шахматной темой и решил последовать за ними: Эгоизм можно назвать, в некотором смысле, ревностью по отношению к собственности, даже такой, как, скажем, личная точка зрения или манера поведения. Скорее всего, да. Но раз так, то отчего бы не поступить наоборот, то есть распространять себя на Всё до бесконечности, ведь можно выкрикнуть: «Всё моё!», а не довольствоваться одним определённым мироощущением, отстаивать одну конкретную позицию, видеть всё в одном и том же спектре. Где-то я это уже наблюдал... Итак, Всё моё! «Ничто моё!» – так тоже можно подумать. Теперь важно не делать разделения и останется осмыслить полученное применительно к себе. Когда же ты Ничто, но при этом, не утрачивая своей индивидуальности, выражаешь себя как Всё, разве что-нибудь способно тебе противостоять? А каким, собственно, обликом Хаосу, какими Туманами Свету и каким невежеством одухотворённому разуму можно навредить?

Всякая мысль Хаоса обретала, после долгих раздумий, некие очертания – либо условий, что отображалось на окружающей среде, либо живых форм.

– Ссир? – протянул, вальяжно стоящий перед Мэтром, юноша в белой набедренной повязке, со смуглой кожей, отдающей красноватым отливом. У него было рельефное, упругое тело спортивного сложения, гибкое и стройное. Лицо молодое, но с мужскими острыми чертами. Умный, хитрый и пронизательный взгляд. Чёрные волосы, чёрные глаза, вобщем, идеал.

«И это, между прочим, тоже бесит» – молча отметил Темнодержец.

– Вот именно, Ссир – откликнулось на мысль чадо своим низким, леденящим кожу, голосом, никак не соответствовавшим его внешности. Возникший из ниоткуда приятный гость избрал для себя тот же вариант проявления в зримом облике, какой предпочёл для себя Отец

Отцов – тёмный силуэтный образ покорителя воздушной стихии, зависший в сидячей позе на сверхмалой высоте.

– Впечатляешь, Добрыня – намекая на сказочного богатыря, который тоже был всем хорош, сказал Бель. Чадо связало свою и отцовскую стихии через наивысший красный Первоисточник, дабы Создатель, отделивший его более совершенным, смог видеть подлинные мысли своего творения, не опасаясь лжи с его стороны. По тени Пана прошла красная лучистая линия света, обдавая приятной благодатью. Почувствовав в собеседнике что-то своё, близкое и родное, высокое и равное, он улыбнулся:

– Хорош, слишком хорош. Знаешь ли, куда направляешься?

– Мне ли не знать – ответил человеческий разум, проникаясь тишиной, бездвижными деревьями, сухим камышом и сиянием звёзд. – Наслаждаюсь последними минутами перед своим растворением. Пана, казалось, совсем не тронул ни подобный ответ, ни тот факт, что его создание знало наперёд его мысли и своё будущее. Нет, он не был этим омрачён, куда уж больше – темнеть дальше было некуда. Он оставался прежним.

– А тебе хотелось бы к Свету поближе? – спросил Маэстро скорее из интереса, чтобы проверить, прав он или неточен. Ошибиться кому кому, а Изначальному было невозможно: он прогнозировал всевозможные ситуации, просчитывал различные варианты их развития и даже рассматривал вытекающие из них последствия, приводящие к возникновению новых ситуаций.

– Что я там не видел? Только, если условием будет твоё повеление. Миром Света, как обычно, ограничиться не захочешь. А перспектива стать земным человеком как-то не радует, учитывая условия, полное ментальное обнищание людей, да и время выкроить для духовных вещей будет ох как не просто. Там вместо Иерархии всем правит не твоя Сила... Не знаю, чему ты сейчас с умилением ухмыляешься.

– Знаешь, знаешь – ехидно поправил Пан, скрываясь за безобразным проявлением.

– Лучше б мне не знать. Если б все осуждённые тобой твёрдо знали, что тебе также легко их судить, как и оправдывать, то духовными людьми остались бы до сих пор. А так в тебя не верят, не видят от тебя толку, говоря: «Князь Тьмы скукисился и окончательно потерял хватку, препоручив высоким андрогинам миловать инфицированных душой нюней и бездомных – тех, кому на него было, откровенно сказать, начхать». Они сделали свой выбор, ты свой...

– Это одна из бесконечно многих сторон несчастной монетки, не ограничивай варианты – напомнил Лорд.

– Ну, если ты действительно готовишься стать святым замом Эля, то пожалуйста, Библия: «Кривой глаз и зрит криво», из чего следует, что не все способны уразуметь информацию, превышающую их уровень развития. А многие, кроме того, ещё и самой возможностью к развитию не обладают. Доволен?

– Более чем – делано и наиграно восхитилась главная фигура XV-го АТУ. А разум продолжал:

– Правда, какой с них спрос да и в чём заинтересованность, когда у них умственное поле с горчичное зерно. Если не замычит – это уже чудо! Юноша взглянул в туманы на мерцающие бледные тени призраков и хмыкнул: Немногим лучше.

– Есть с чем сравнить? – жёлто-песочные глаза Хозяина хищно блеснули, довольно сощурились и он неизвестно что подумал. По крайней мере, разум ничего не уловил.

– Чудовищно, худшей хандры я не видал.. Не хватает разве что траурной мелодии. А нельзя ли им помочь погаснуть? – указывая отогнутым большим пальцем правой руки себе за спину, сказал человек и, откинувшись назад, посмотрел на небо. В попытках вечного тления, уныло горящие прямые свечи душ безуспешно пытались сделать это сами, становясь то ярче, то тусклее, бездвижно скользя над топкой поверхностью ночных болот.

– Ах, Светик-семицветик, отчего же ты так никому не нравишься? – с расстановкой обратился к себе Пан, изучая тыльную сторону своей ладони и с любопытством ожидая ответа от разума.

«Гадает на кофейной гуще» – подумал разум и произнёс: Если быть точным, то по определению Светик-десятицветик. Мэтр расположил руки на невидимых подлокотниках и мысленно сказал:

«Отвратительно?»

– Я не демон, чтобы с пеной у рта отстаивать мир, целью коего первоначально являлся замысел создания максимального количества тренажёров, всесторонне и разнообразно демонстрирующих одинаковые по сути идеи, снабжённых совокупностью обучающих разум ловушек, обманчивых иллюзий, отвлекающе-уловляющей суеты и обоснованно сотворённых преград. Мир творился не для того, чтобы заселять его и жить в нём, а чтобы научиться, находясь в нём, противостоять установленным условиям и верно реагировать на возникающие ситуации, выходя из них победителем. Все как один серьёзно полагают, что им нужно регулярно поддерживать контакт с их Создателем посредством обращений и воззваний – то ли с целью продления его жизни, то ли ради обеспечения безопасности собственного посмертного существования. А необходимые результаты могут быть привлечены исключительно длительными и сложными ритуалами, строжайшие условия проведения которых выполнить практически невозможно, иначе бы каждый недоумок мог использовать Силу Всевышнего для достижения не только своекорыстных, но и откровенно пагубных стремлений. Очень серьёзные, Папа, очень серьёзные. Куда уж там: в одном варианте они тебе поклоняются и благоговейно почитают, а в другом тебя же изгоняют и ненавистно проклинают. Вырождаются... Нет, я ж не против, на здоровье! Как бы оно не подвело, зная твои планы...

– Планы как планы: астрал, ментал, эфир,.. Дальше, впрочем, Светика не касается. Купились, конечно, что есть, то есть. Но ты же знаешь: меньше спасающихся – меньше живых! Мне, признаться, безразличны их дела, столь же мелочные и пустяшные как и они сами. Однако, случается разное, бывает, что и микробным тоже занимаюсь...

– Ага, что и объясняет последствия твоих мелких пакостей. Оба засмеялись и Темнодержец добавил:

– Опасаюсь переборщить, дозирую...

Где-то в мире Света шли баталии, кому-то суждено было умереть. И хотя живые мишени были сделаны фрагментарными, со знанием элементарных вещей, но система самосохранения, занесённая в крохотные ментальные поля, заставлявшая выжить во что бы то ни стало и по возможности остаться невредимыми, сделала их реальными противниками. Для каждого вида существ предусмотрен свой миф, легенда либо история, подробно рассказывающая о его происхождении, развитии и предназначении, приписано какое-никакое занятие, низменные цели, повседневная рутина, внутренняя градация и место в Иерархии Света, хотя последняя поддерживает их жизнь исключительно на уровне и в рамках занимаемой ими ниши, не давая возможности подняться на ступень выше. Как ни крути, а они были и остаются мишенями для порождений хтонического мира, на которых наивысшие оттачивают своё мастерство и приобретают столь необходимый опыт, а уж потом их личное мнение по данному вопросу. Внешне же жизнь существ в мире Света ничем не отличалась от той жизни, какую ведут воплощённые разумы, скрываясь за обыденной каждодневной суетой будничных дней. Если рассмотреть ассоциацию, в которой представить солярный мир под видом стратегической игры, разработанной для гермафродитов и андрогинов, то разграничение одного на планы можно сопоставить с разными уровнями сложности её прохождения: элементарно – easy, демоны – normal, Боги – hard.

– Довольно тебе играть законченного пессимиста, депрессия эта чересчур наивна, помня о предметах стремления твоей тёмной личности.

– Да? А по-моему неплохо получилось... Цели как цели, ни больше ни меньше – узнать, над чем я не властен.

– Жадина! – иронично произнёс юноша, вкладывая иной смысл в это определение.

– Присутствует, ра, но я от этого присутствия не отрекаюсь. Разобраться труднее, а отрицать всегда было проще: «нет!» и всё тут, «да» и «почему?» – разница существенна.

– Мыслитель, Чёрт побери!

– Несомненно, да, радость моя, но лучше воспринимай меня болтуном, недооценивай и доверяй всему, сказанному мной.

– Ага-ага, «так всегда было проще» ещё скажи.

– Повторить?

– Да уж я сам себе... по-своему. Как-то всё у нас печально выходит, такое чувство, что тем же демонам живётся легче, чем братьям хтонического клана.

– Во многом познании многая печаль, но я не спорю. В их жизни всё очевидно и понятно: общество и семья, любовь и привязанность, симпатии и антипатии, ясные цели и методы получения необходимого плюс чёткий девиз: «Сходил, обнаружил, победил, приобрёл». Любой противник реален, все задачи известны, размышлять излишне.. Отсюда прекрасное настроение и уверенность в завтрашнем дне, распланированность поступков и планы на будущее. А интриги... Да кто о них думает-то?! Да и как начать, когда они законченные фанатики Системы, отстаивающие выгодные ей взгляды даже помимо их собственной воли, раз уж что-нибудь да выбирают из подсунутых ею вариантов. Противник какой-то непонятный... А так все довольны и счастливы – создания получают комфортные условия, которые можно обустроить чуть ли не до бесконечности, и прилегающиеся к ним блага, которыми можно бездумно наслаждаться, более ничего не требуя, а Система получает полный контроль над живыми существами, о всех желаниях и поступках которых она прекрасно осведомлена. Отверди я молчу, упомянул к слову. Достоверный факт: схожие мысли, идеи, ассоциации неизбежно находят друг друга, даже если речь идёт о другом – соответствия, параллели. Знаешь, отчего я постоянно пребываю незаинтересованным? Виной всему чувства, коими определяется степень, мера и глубина понимания, раскрытые особенно сильно у существей наивысших. Эти премудро кем-то устроенные нити делают всех нас зависимыми от руки Тайного Кукловода, не говоря уже о заведомо известной последовательности наших действий: мы напоминаем пчёл, о которых все с уверенностью могут сказать, что они в обязательном порядке летней порой в дневное время суток в солнечную погоду полетят опылять цветы, собирать нектар, затем потащат его к себе в улей, после чего спрячут его в соты. И ведь действительно всё так и будет! Чувства проявляют самих себя только теми способами, какие предусмотрены заложённой в них программой, составленной без учёта наших мнений и желаний. Чувствам нельзя доверять, но не используя их мы уподобляемся Пустоте, абсолютно никак себя не проявляя, совсем ничего не желая, совершенно ни к чему не стремясь и лишаясь всякой возможности к самовыражению. Но это не мы – оно подсунуто нам в использование. И мы вынуждены ограничиваться тем, что есть. А ограничиваясь, отстаивать, как последние идиоты, то, что нашим никогда не являлось.

– Ну что же, на этой оптимистичной ноте, может, и остановимся? – Юноша слегка улыбнулся. – Как-никак пока мы здравомыслящи – хоть сколько, – контролируем свои действия. Скажи-ка мне, дядя, вот что: Бешу, конечно же, врал, говоря «личностям, подобным тебе, можно доверять»? – процитировал юноша, отметив существенные изменения: души исчезли и голые болота, покрытые туманом и лишённые мельтешения призраков, выглядели теперь удручающе. Разум не погрузился в это состояние, а позволил ему пройти мимо, не заинтересовавшись им, и оно на самом деле вскоре исчезло.

– Ограничился безразличием? Тоже верно. Я вот, например, после посещения леди Бабалон хочу ограничиться несколько иным своим проявлением. После пребывания в атмосфере

хандры, собираюсь развлечься беспредметной суетой. Меня как раз приглашали на суд в залы Ниимманита – лучшей персоны, пожалуй, не нашли. Что тут добавишь, гречанки! Это как раз и есть один из тех бесконечно многих случаев, когда одним надлежит погибнуть во имя жизни остальных, так сказать, показать на личном примере естественный отбор. Многолик я, ра, отсюда и множество вариантов моего поведения – могу быть всем и по-очереди, но ничем не доволен. А так взбодрюсь, посмеюсь над правильностью и серьёзностью, взгляну на перемены и заодно отвлекусь... А о пёсике не волнуйся – всё равно он этого не понял, следовательно, и злиться не станет на то, чего и в памяти-то его нет. В одно ухо влетело и тут же бестолково вылетело через другое – рангом не вышел, безумно ограничен рамками своей степени развития.

– Да уж, разнятся не только истории существ, но и их поступки – разговор явно шёл к финалу. Разум поднялся и принял свой прежний человеческий вид. Повернувшись, окинув взором топи и пожалев печального от дум Отца своего, посмотрел он вниз – туда, где сквозь планы и Туманы виднелась далёкая твердь. В последний раз оценив все «за» и «против» своего выбора и осознав, что ему предстоит пережить, если двинется он через Свет к плотному миру, юноша вместо шага развернулся: Не время ещё. И заметно повеселев, мягко спросил: А всё-таки, чего ты от меня хотел?

– В шахматы сыграть – также мягко ответил Бель.

– Хм, подобрал ты, надо сказать, подстать мироощущению. И не игру вовсе... Буду вынужден отказать до лучших времён, как игру о худших из времён. До встречи!

Отец Отцов, сделав взмах рукой, отпустил разум, распавшийся на составляющие Тьмы. Когда б не лунный свет, не эти большие алмазы звёзд, сверкающие на успевшем очиститься от грязного одеяла туч небе, его исчезновение показалось бы мгновенным. А так, неспешно сливаясь с Темнотой, освободился он от глупой суеты и не стало его.

Бабалон, даже при всём своём желании постичь Хаос, сюда не войдёт – объём Хаоса значительно превышает объём ментального поля леди. Но от того, что она была меньше, вредности, иногда просто отвратительных, проявлений той ещё Бабы-Яги меньше не становилось, в особенности, если не знаешь, о чём она лопочет. С женщиной вообще трудно договориться, а здесь ещё нужно принять во внимание, что Бабалон – блудница, с капризами, свойственными иеростраллу. Она – мир грёз и путешествий для светового тела человека. Муза – писателю, Кали – преступнику, Фемида – покорителю и Ну – мыслителю. В тот миг, когда Маэстро завершил мысленную проекцию, в которой он представал под видом блудливого мужа этой злобной Карги – Пимандра, – картинка болота пошатнулась и стекла куда-то вниз. За этим вполне реалистичным местом оказалось другое, не менее реалистичное – внутреннее помещение колдовской хаты Хозяюшки. При появлении Хозяина что-то змееглавое с шипением забило в дыру между стенами и, хмуро щурясь, сидело там, сверкая глазищами. Мелкие пузатые и лохматые чудовища, криво переваливаясь, кубырем выкатились во двор. С воем и лязгом предлинных когтей прокатились они по поляне и, закручивая хоровод, вихрем умчались в дубраву, буйным ветром ломая ветки скрипучего и сухого леса. Спешно покидая хижину, пузаны умудрились ничего не сдвинуть с места, даже тот же котёл, в котором оказались обезображенные до неузнаваемости части тел полугодовалого котёнка, черепахи, змеиных голов и ещё кого-то, сварившихся заживо. Старуха кипятила себе праздничное платье, готовясь к танцам ведьм – своих проявлений, что отобразятся в ночь с пятницы на субботу, наступающую завтра, выражая всю ирреальность клипшотического мира.

Тяжёлый воздух отдавал кисловатым запахом. Из-за горевшего под котлом костра по стенам сновали беспокойные тени, двигавшиеся не в такт языкам пламени и слабо напоминавшие отбрасывающие их предметы. На кухне располагалась старая, покосившаяся печь, на которой, вздыбивши шерсть, сидел чёрный вампир, урчащий подобно гигантскому коту и косившийся на гостя единственным глазом, опираясь восьмью своими кошачьими лапами о стену, словно

приготовившись сигануть прочь при малейшем удобном случае. Хозяин для здешних мест избрал весьма скромный вид – образ низкорослого чернородого мужчины с крепким телосложением.. Лысую голову венчали по бокам серповидные рога с мизинец длиной. Символизм в данной области был бессмысленным: увешай себя рогами по всему телу, сил от этого не прибавится. В лихой, агонирующей среде иеростральной стихии действовало различие существ по популярности в Зазеркалье. Если входящего сюда не обновляло искажением – чужак в пределах клипсот, значит, а посему увидит такой пустыню, туман либо водную гладь, ничего другого не заметив. Не позавидуешь посетителям, принимающим искажённость иеростральной стихии за форму безумия – чем считают, тем и окажутся, чего желают, то и дастся им: искажению – несовершенное, одержимому – неудержимо бешеное. А потом пускай попробуют от этого проявления избавиться.

По воле Господина стена для него расползлась в стороны и он увидел двор, устроенный на деревенский манер, распахнутые вовнутрь двери хлева.. Чьи-то бездвижно лежащие ноги виднелись в глубине обветшалой, почти рухнувшей постройки: «Судя по всему, закончила». Валявшийся недалеко от стола табурет, поднявшись, стуча четырьмя ножками, наподобие неудержимого рысака, прискакал и остановился, как вкопанный, около Повелителя. Присев, он вытянул вперёд ноги и, барабанив пальцами по столу, принялся ожидать возвращения Хозяйки, любуясь антикварной мишурой, которой была нашпигована избушка.. Все эти травы, отвары, сушёные пауки, порошки, змеиная кожа, горшки, кости, ступки, пряди волос, ножи, паутина, глазные яблоки и прочая гадость, включая клокочущий котёл, производили впечатление никогда не прекращающего свою работу цеха по производству волшебных снадобий на дому, заготавливаемых запасливой старушкой на все случаи жизни. При скрипе несмазанных петель входной двери Бель повернул голову, а после удивлённо поднял бровь:

– Я вижу, сегодня ты не Бабой-Ягой приоделась! В дверях, в красной от крови ночнушке, стояла светлокочая молодая женщина неземной красоты, всем своим улыбочивым видом показывающая, что колдун, дескать, оказался слабеньким, испустив дух раньше, чем она успела удовлетвориться:

– Я не склонна разговаривать после ужина, но, поскольку дел у меня нет, давай побеседуем. Как тебе мой наряд? Игривой походкой она вошла внутрь и Хозяин отметил для себя изменение в её настроении – она стала той самой язвущей дамой, к тому же молодой, которую он с трудом выносил: «Значит настроение капризное, паршиво»... Нечто кошачье-паучье зашипело, почувствовав непозволительные мысли о своей леди.

– Цыц, доморощенный! – рявкнула Хозяйка домовику, уже успевшему скрыться за трубой дымохода. – А между тем, зря пожаловал. У меня всё без перемен. Или ты по делу к нам?

– Да как тебе сказать... Дел по горло, смотря как ограничиться. А вообще, одна ты меня способна удивить беззаботностью жизни. Ктати, ты указала «к нам»: сделай милость, поясни, к кому это «к нам»?

Скривив губки в лёгкой усмешке, она, в мгновение ока, внезапно стала чистой и ухоженной, будто провела в душевой да за зеркалом не один час времени, и, оглядевшись по сторонам, посерьёзнела:

– Так, а пузатые, значит, побросав всё своё достоинство, умчались прочь? Хороши фагороши! Я осталась без музыки... Так Хозяюшка выражала свои чувства, хотя, загорись в ней настоящий пожар желания, то не прошло б и мига как они появились бы.

– «Играется, стервочка...» Мысли перебил ливневый дождь и раскатистый, до сотрясения пола под ногами, гул грома: А я полагал планарного духа обновлённым с некоторых пор.

– Побьёшь кусты, заставлю восстанавливать декорации во дворе. – Явно недовольная начавшейся грозой, она присела рядом и, превосходно используя индивидуальный набор гипнотических способностей, принялась обвораживать своего Господина: Зайдёшь на голубой огонёк?

– Никак не наиграешься со своими подчинёнными?

До чего же была премудрой Василисочка здешних мест. Грубо вязанным из узлов демонам Света, лишённым всяческой возможности оценить по достоинству женскую силу, казалось, покажи доподлинное лицо таковой раскрасавицы – нипочём не выдержали бы этой красоты. Иногда Мэтр тосковал по миру, в коем должно было бы разместиться совершенство, объединяющее и примиряющее собой всё и всех, но так получилось – и как ни пробуй впоследствии – у совершенства нет смысла, нет продолжения, нет будущего, невозможны победы и господство. Идея же войн, споров, раздоров, разногласий и разобщённости, как это ни парадоксально, хотя низка и примитивна сама по себе, на деле оказалась более состоятельной и жизнеспособной, нежели идея всеобщего равенства и единства, разбросанных по планам и мирам, самых разнообразных созданий. Даже если представить Единство существующим в полной и абсолютной форме своего совершенства, то присутствие частных интриг, присутствующих каждой отдельно взятой личности, портит и запятнывает идиллическую картину подобного мира. Следовательно, дело здесь не только в соблюдении внешних благоприятных условий для равноправной и полноценной жизни существ, являющихся лишь одной стороной вопроса, но и в характерах, нравах и поведении оных. Именно из-за невозможности осуществления идеальной конструкции, учитывающей и гармонично примиряющей любые пары противоположностей вкуче с противоборствующими лагерями, Мессир никогда не воспринимал всерьёз мысли о раеподобном устройстве Построения, помещённые в его ментальное поле при его сотворении и, как следствие, время от времени возникавшие в его сознании, предпочитая игнорировать такого рода импульсы.

Посему все, проживающие во владениях бабушки-старушки, предпочли сложности его миров сию простоту с минимумом принятых для соблюдения правил, дабы менее всего ощущать на себе всю серьёзность положения и не быть в итоге серьёзнее всех имеющихся вещей, на Свету обретших очертания.

– Кому подчинённые, Батенька, а кому и любимые зверушки. С какой стороны глянуть. Обоюдно, понимаешь, старые добрые традиции чтим... Девчушка-веселушка юморила, обожая говорить загадками и не стесняясь прикинуться простушкой. Расслабился, утратил бдительность забредший к ней в позднее время путник, оскорбил как-то неосторожным помыслом да ещё и отвернулся вдобавок ко всему прочему – ну так нате всю подноготную кровожадность и чудаковатой хозяйшки, и внешне неказистой и покосившейся от дряхлости, якобы избы. Ведьма, она и за образом невинной девочки – ведьма! А то, что не в своём уме, так то её выбор такой – самовыражаться как хочет, в меру своих возможностей. Происходящее каждодневно, год за годом, в тридевяти царстве трудно уразуметь здоровой логикой – курорт для лентяев и бездельников. Солнце встаёт для каждого в разное время, равно как и тьма наступает для всех по-разному, при этом дороги прохожих пересекаются и хотя у одних будет день, у других будет ночь. А со стороны стороннего наблюдателя тот вариант будет верным, какому он сам отдаст предпочтение.

Комичны тут и ситуации и следствия их, причём между предметами и теми назначениями, какие они призваны исполнять, в принципе не существует никакой связи. Можно взять отломанный кривой сук либо ветку, что годами лежала себе у дороги, и наречь деревянным мечом, цель и смысл которого разрубать и разрезать что угодно, после чего так оно и будет: с его помощью можно будет срубить дубы или раскалывать валуны всего-навсего лёгким движением руки. Любой житель здешнего дуралейства скажет вам то же самое, независимо от сомнений, роящихся в вашей голове. И ковёр полетит, и мешок бездонным будет, и сапоги семимильные вас куда требуется доставят безо всякой там усталости, и шапка, с пугала снятая, невидимым вас сделает, ежели такова сегодня ваша прихоть. Здесь не бывает войны, никто никому не причиняет вреда и даже спор базарных торгашей есть лишь видимость, на самом же деле суть соревнования в достижении вящей славы друг перед другом. А то, как кто-то заблудил не по-

лешему, на болотах утоп, домой не вернулся – означает, что сменили такие образ жизни своей естественным путём, оборотничества отведали, ибо смерть в Зазеркалье отсутствует. Будет о чём рассказать заблудшим извне или со знакомыми побеседовать о новых впечатлениях.

Черти в данном краю прекрасная сила – смуглокожие, невысокого роста и плотного телосложения чернобородые мужички с вихрастой копной волос, выполняющие любую работу дружной артелью: где надобно лодырю подсобят, дом в считанные минуты отгрохают, верёвки из песка навьют, коня богатырского из-под земли достанут в прямом смысле слова. Им без работы никак нельзя, потому как работа для них, что хлеб и вода для человека, а иначе маета от безделия приходит. Оттого они в свободное время в карты режутся, кости бросают и бражку пьют. Диво дивное, можно с деревьями разговаривать, с животными и птицами всех сказочных мастей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.